

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

*Он мог превратиться в
маньяка, в психопата,
в убийцу. Но он должен
помнить, что именно
вы спасли его отца, да
еще и поделились с ним
кровью. Он вам не
кровный враг, а
кровный брат.*

Чингиз Абдуллаев

Одноразовое
использование

ЭКСМО

Чингиз Акифович Абдуллаев

Одноразовое использование

Серия «Фархад Сеидов», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180940
Одноразовое использование: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-33221-2*

Аннотация

Никто, кроме самого Фархада Сеидова, вице-президента крупной нефтяной компании, не знает, что в перстне на его руке находится мощный радиомаяк. Как заверили Фархада представители российской Службы внешней разведки, маяк поможет отыскать его в любой точке земного шара. А в воюющем Ираке, куда его командировывают, это необходимо – ведь, кроме официальной миссии, Фархад должен встретиться с неуловимым террористом аль-Рашиди, отца которого он в свое время спас от смерти. Спецслужбы многих стран охотятся на террориста, и теперь появляется реальный шанс уничтожить его. Неожиданно Фархад понимает, что ему отведена незавидная роль подсадной утки. И тогда он начинает действовать не так, как ему предписано, а на свой страх и риск...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	34
Глава 4	50
Глава 5	61
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Чингиз Абдуллаев

Одноразовое использование

Нужно уметь переносить то, чего нельзя избежать.

Мишель Монтень.

Но коли уже ты стал, сын мой, на этот путь, как гончая вышла на след зверя, забившегося глубоко в лесную чащу, то устремись безжалостно мыслью по этому свежему следу; испытай себя, а может быть, помимо отвращения к языческому обычаю обнажения, кроются и иные побуждения, столь утаенные, что ты их даже не замечаешь. Смело устремись в мрачные дебри, а слуга божий будет сопровождать тебя со светильником молитвы, моля предвечную мудрость, чтобы святой дух воспламенил этот светильник молнией понимания утаенных дел.

Теодор Парницкий. «Серебряные орлы»

Глава 1

Пора возвращаться домой. Он устало взглянул на пачку документов, лежавшую на столе. Он успел просмотреть все

бумаги. И, как обычно, задержался на работе. Все сотрудники уже давно ушли домой. Девятый час вечера, до такого позднего времени они обычно не задерживаются в компании. Он уже привык, что на стоянке перед их зданием его машина остается последней. В этом кабинете он работает уже четвертый год. С тех пор как его сделали руководителем отдела. Десять лет назад о подобном нельзя было даже мечтать.

Он поднялся, подошел к окну, глянул вниз. Отсюда, с тридцать четвертого этажа, открывался удивительно красивый вид на Москву. С тех пор как он впервые вошел в этот кабинет, столь прекрасный вид на город очаровал его. Он любил подходить к окну и смотреть на город, раскинувшийся у его ног. Это позволяло ему лучше мыслить, работать на перспективу, разрабатывать новые планы.

Раздался телефонный звонок. Он удивленно обернулся. Карина обычно звонила на мобильный. Он специально для нее носил второй мобильный телефон. Один для знакомых и друзей. Второй только для Карины, чтобы жена в любой момент могла с ним связаться. Это было необходимо и ей, и ему. Но городской телефон обычно не звонил в девятом часу вечера. Тем более что, как правило, отвечала его секретарь Нина, которая, как всегда, торопилась домой. У нее был трехлетний сын. Уходя, она переключала городской телефон на телефон в его кабинете.

Фархад Сеидов, сорокавосемилетний начальник отдела, доктор геологических наук, считался одним из самых

опытных специалистов российской компании «Южнефтегаз-пром», возникшей в начале века, во время бурного роста цен на энергоносители. Выше среднего роста, подтянутый, уже начинавший сидеть, он имел запоминающуюся внешность. Резкие, словно вырубленные черты лица, кустистые брови, крупный нос, шрам на подбородке. Телефон продолжал звонить. Фархад повернулся к столу и снял трубку.

– Я вас слушаю, – сдержанно сказал он.

– Добрый вечер, господин Сеидов, – услышал он незнакомый голос, – извините, что беспокоим вас так поздно. Мы бы хотели с вами встретиться.

– Извините, кто это говорит? – спросил Фархад.

– Это не телефонный разговор, господин Сеидов. Если вы разрешите, то я сейчас к вам поднимусь.

– Откуда вы знаете, что я еще на работе? – удивился Фархад. – И как вы сумеете войти в нашу компанию? У нас пропускная система, и боюсь, что после семи вечера там не выдают разрешения на вход в здание.

– Если вы разрешите к вам подняться, то я думаю, что смогу получить пропуск, – уверенно сказал незнакомец.

– Вас не пропустят. Я точно знаю, что после семи бюро пропусков не работает, – попытался объяснить Сеидов.

– Это мои проблемы, – возразил неизвестный.

– Тогда поднимайтесь, – несколько растерянно согласился Фархад.

Странный звонок и непонятный гость, подумал он. В на-

шей компании «Южнефтегазпром» работают очень компетентные сотрудники. Служба безопасности – одна из лучших в стране. В нее отбирают только бывших сотрудников МВД и ФСБ. И внизу очень строгая пропускная система. Как этот незнакомец сумеет к нему пробиться, абсолютно непонятно.

Он прошел в приемную. Там никого не было. Вышел в коридор. На этом этаже работают только сотрудники его отдела – одного из самых крупных в компании. Сорок восемь сотрудников, и каждого из них он знает лично. Два его заместителя, еще шесть руководителей секторов. Сеидов задумчиво посмотрел на закрытые двери в коридоре. Наверняка здесь уже никого нет. Он повернулся, чтобы войти в приемную, и услышал, как открывается дверь в дальнем конце коридора. Оттуда вышла молодая женщина. Фархад удивленно взглянул на нее. Короткая стрижка, строгий деловой костюм, темная юбка, блузка. Это была Алена Сизых, перешедшая к ним несколько месяцев назад из «Газпрома». Она работала на обработке компьютерных данных.

– Добрый вечер, – растерянно сказала Алена.

– Здравствуйте, – кивнул Сеидов, – а почему вы так поздно задержались?

– Я не задержалась, – ответила она, – я еще раз вернулась. Меня попросили распечатать данные по астраханскому участку. Они будут нужны рано утром Ринату Ашрафовичу. А я утром приеду немного позже, он мне разрешил.

– По астраханскому? – вспомнил Сеидов. – Да, все пра-

вильно. Это я попросил его приготовить все данные на утро. Только я не знал, что он заставит вас сидеть на работе или еще раз вернуться.

– Ничего страшного, Фархад Алиевич, – улыбнулась Алена, – мне так даже удобнее. Я живу здесь рядом. А завтра утром мне нужно поехать с мамой в больницу, и поэтому я заранее отпросилась у Рината Ашрафовича.

– Правильно сделали, – улыбнулся Сеидов, – идите домой. Сколько вам лет? Кажется, двадцать восемь?

– Да, – кивнула она, – двадцать восемь.

– В вашем возрасте нужно сбегать с работы как можно раньше, – усмехнулся Сеидов, – и интересоваться больше молодыми людьми, чем астраханскими нефтеносными участками. Извините, что я так говорю, но я чуть ли не вдвое старше вас. И даже помню, что вы еще не замужем.

– Спасибо, – ответила Алена, – и, наверное, вы правы. Но у меня мама болеет, и поэтому я все свободное время провожу с ней.

– Правильно делаете, – кивнул Фархад, – идите скорее домой. Уже поздно.

Алена попрощалась и почти бегом направилась к лифту. Когда она вызвала первую кабину лифта, загорелось табло на третьем. Очевидно, снизу поднимался неизвестный. Фархад смотрел, как первая кабина уходит вниз, а третья поднимается вверх. В их компании была установлена система известной японской фирмы, и передвижения любой кабины

можно было наблюдать на световых табло, расположенных над створками лифтов.

Он подождал, пока кабина остановится на тридцать четвертом этаже. Створки кабины лифта открылись. Фархад нахмурился. Чего он ждет? Что сейчас покажется какое-нибудь чудовище или нечто необыкновенное? В коридор вышел обычный мужчина, одетый в серый костюм. Белая сорочка, узкий, совсем немодный галстук. Недорогие ботинки. Чуть выше среднего роста, лет пятьдесят. Ничем не примечательная внешность. Разве что нос чуть крупнее, чем следовало бы. Редкие рыжеватые волосы. Мужчина взглянул на стоявшего Сеидова и приветливо кивнул, словно точно знал, что Фархад будет встречать его прямо в коридоре.

– Солнцев, – представился незнакомец. – Вадим Сергеевич Солнцев.

– Здравствуйте, – ответил Сеидов, протягивая руку Солнцеву, – Фархад Алиевич Сеидов. Хотя вы уже знаете, как меня зовут. Идемте в мой кабинет.

Рукопожатие было крепким. Они прошли по коридору, миновали приемную. Вошли в кабинет. Сеидов показал на два удобных кресла, приглашая гостя садиться. Его кабинет был достаточно большим даже для начальника отдела такой крупной компании, как «Южнефтегазпром». Угловая комната, ставшая кабинетом, была общей площадью около пятидесяти метров. Солнцев уселся в кресло. Кажется, ему понравилось в этом кабинете.

– Что-нибудь будете пить? – осведомился Фархад.

– Нет, спасибо.

Сеидов уселся напротив. Ему было интересно, почему этот незнакомец появился в девятом часу вечера, как он сумел получить пропуск в закрытом бюро пропусков и что именно ему нужно. Может, он как раз приехал из Астрахани и ему нужны новые данные по геологоразведке? Но там не столь перспективные нефтеносные участки, чтобы присылать специального представителя. Все можно было согласовать и по телефону.

– Я вас слушаю, – сдержанно произнес Сеидов.

– Прежде чем мы начнем наш разговор, вы разрешите мне небольшое предисловие? – уточнил Солнцев. – Так сказать, прелюдию к разговору.

– Пожалуйста, – еще больше удивился Фархад, – только я не совсем понимаю, о каком предисловии идет речь?

– Вы Фархад Алиевич Сеидов, шестидесятого года рождения, уроженец города Баку, – начал Солнцев таким спокойным, почти равнодушным тоном, словно читал лекцию, – женаты на Карине Газарян с восемьдесят четвертого года. У вас есть дочь восемьдесят шестого года рождения, которая сейчас оканчивает Московский государственный университет. В Москву вы переехали весной девяностого года, на работу в бывший «Газпром», или, как его раньше называли, Министерство газовой промышленности СССР. Вы работали в Баку, в объединении «Азнефть», затем защитили док-

торскую диссертацию и уехали в Ирак, после чего вернулись в «Азнефть» уже начальником управления. Все верно?

– Да, – удивленно ответил Сеидов, – но для того, чтобы сообщить мне эти сведения, не нужно было приходить сюда так поздно. Они есть на моем сайте и на сайте нашей компании. У меня нет никаких секретов. Я профессиональный геолог и занимался геологией всю свою жизнь. За исключением середины девяностых, когда работал в банке.

– Это мы знаем, – ответил Солнцев.

– Теперь объясните, кто это «мы» и почему вас интересует именно моя персона. Вы из службы безопасности нашей компании?

– Нет-нет. Конечно, нет. Я сейчас вам все объясню. Дело в том, что я сотрудник СВР.

– Сотрудник чего, простите? – не понял Сеидов. – Что такое СВР?

Солнцев улыбнулся. Понимающе и даже немного дружелюбно.

– Это Служба внешней разведки России, – пояснил он, – мы решили, что будет правильно, если мы не станем вас вызывать к себе, а проведем первую беседу на вашей, так сказать, территории.

– Вы из КГБ? – изумился Фархад.

– Почти, – ответил Солнцев, – чтобы вам было понятнее. Просто КГБ уже давно нет. Но вы об этом знаете. Его разделили на несколько частей. Федеральная служба безопас-

ности, Федеральная служба охраны, Федеральное агентство правительственной связи, раньше были отдельные пограничные войска, ну и так далее. А мы бывшее Первое Главное управление КГБ СССР, то есть внешняя разведка. Теперь понимаете?

– Понятно. Но мне кажется, что вы ошиблись. Я никогда не работал и не сотрудничал с вашим ведомством. Если вы считаете, что меня послали в Ирак работать на нашу разведку, то ошибаетесь. Я там был как геолог, проверял свои научные разработки на практике. И больше ничего. Только как геолог. Я даже осведомителем вашим никогда не был и никогда никаких отчетов вам не писал.

– Мы все это знаем, – улыбнулся Солнцев.

– Кроме того, я уже много лет российский гражданин. И жена у меня гражданка России. И дочь. Поэтому я не совсем понимаю, какой именно интерес я могу представлять для такой службы, как ваша. Ведь я вам ничем помочь не могу, потому что давал подписку о неразглашении служебной информации нашей компании.

– С этим как раз все понятно. Обещаю, что нас не будут интересовать запасы нефти и газа, которые вы разведали. У нас совсем иной интерес, – поднял обе руки Солнцев.

– Тогда что вам нужно?

– Мы хотим предложить вам отправиться в командировку, – пояснил Вадим Сергеевич, – вернуться снова в Ирак в качестве генерального представителя компании «Южнефте-

газпром».

– Вы с ума сошли? – не выдержал Сеидов. – Как вы можете даже предлагать мне подобную командировку. Вопрос уже согласован. Туда должен поехать вице-президент нашей компании Иван Николаевич Сысоев. Насколько я знаю, все документы уже подготовлены. По-моему, вы поступаете не совсем корректно, предлагая мне подобную командировку. В конце концов, я только начальник отдела, а там будут переговоры на очень высоком уровне. Сысоев должен встретиться с руководством страны и провести переговоры по взаимному сотрудничеству нашей компании с их двумя крупными поставщиками. Мы с таким трудом сумели заинтересовать иракцев, которые уже давно ни с кем не сотрудничают, кроме американцев, а вы сейчас хотите все запороть.

– Очевидно, мы не совсем понимаем друг друга, – спокойно возразил Солнцев, – давайте сначала успокоимся и выслушаем друг друга. Сысоев прекрасный специалист в области экономики. Он ваш первый вице-президент. Но он никогда раньше не был в Ираке, не знает местных условий, не имеет там знакомых и не знает арабского языка.

– С ним поедут переводчики...

– Это не одно и то же. В делегацию включен один из ваших заместителей – Садратдинов. И хотя он хороший геолог, но не сможет заменить вас. Вы более опытный и квалифицированный специалист.

– Я не совсем понимаю, что именно вам нужно. Если вы

хотите включить меня в состав делегации, то вам нужно обращаться к президенту компании. Это он решает подобные вопросы. Хотя в данном случае предполагаю, что вам нужно выходить даже на более высокий уровень, по-моему, вопрос согласовывался на уровне министра или вице-премьера. Как вы понимаете, я не могу сам себя отправить в такую командировку. И даже если я попытаюсь объяснить, что именно ваше ведомство просит меня отправиться в Ирак, то и тогда руководство компании может не прислушаться к подобному мнению. Уже давно прошли те времена, когда КГБ мог решать, кому и куда ехать.

– Вы думаете, прошли? – почти весело спросил Солнцев. – А мне кажется, они никогда не проходили.

– Не буду спорить. Это не мое дело. Но в любом случае вы обратились не по адресу...

– Нет, – возразил Вадим Сергеевич, – мы стараемся не беспокоить людей, которые нам неинтересны. Дело в том, что приказ на Сысоева завтра будет отменен. И завтра утром вы покинете этот кабинет и переедете на тридцать восьмой этаж, где работают вице-президенты компании. С завтрашнего дня вы новый вице-президент «Южнефтегазпрома» по вопросам геологических изысканий и разведки. Эта новая должность уже сегодня введена в компании, и завтра утром ваш президент сообщит вам об этом приятном факте вашей биографии. Как видите, я пришел к вам не «с пустыми руками». И я первый человек, который сообщил вам эту но-

вость. Кажется, я имею право рассчитывать хотя бы на вашу благодарность. Хотя по восточному обычаю вы должны дать мне даже подарок. Кажется, у азербайджанцев это называется «муштулук».

Он сказал это слово без акцента. Фархад удивленно взглянул на своего гостя.

– Вы знаете азербайджанский?

– Да, – кивнул Солнцев, – я знаю турецкий, арабский, азербайджанский языки. Хотя турецкий и азербайджанский очень похожи, там отличаются только некоторые слова.

– Значит, вы специалист узкого профиля, – понял Фархад, – именно по этим странам.

– Вы умный человек и умеете правильно рассуждать, – одобрительно кивнул Солнцев, – я специально сообщил вам эту информацию, чтобы услышать вашу реакцию. Реакция более чем положительная.

Сеидов нахмурился.

– «Муштулук» вы, конечно, не получите. Хотя я до сих пор не совсем верю в эту невероятную новость. Неужели этим назначением я обязан вашему ведомству? – недовольно спросил Фархад.

– Нет. Исключительно своему таланту и работоспособности, – пояснил Солнцев. – Вопрос о вашем назначении уже давно был решен, мы только подтолкнули его исполнение, если говорить откровенно. Но это действительно только потому, что в самой компании уже давно хотели перевести вас

в вице-президенты. Поэтому завтра вы переедете на тридцать восьмой этаж и станете новым, уже пятым, вице-президентом компании «Южнефтегазпром». А еще через неделю именно вы полетите в Ирак в качестве руководителя группы на переговоры с иракской стороной.

– Интересно, что именно я там буду делать? – иронично спросил Сеидов. – Бегать по крышам и стрелять в американцев? Или в англичан? Как вы представляете мою работу в качестве вашего представителя? И если я отправляюсь туда вице-президентом, то для чего вам такой агент, которого знают так много людей в самом Ираке. Я ведь там проработал больше трех лет, и там наверняка осталось очень много людей, которые меня помнят.

– Именно поэтому вы нас устраиваете, – охотно пояснил Солнцев, – если хотите, вы почти идеальная кандидатура для миссии, которую мы вам собираемся поручить.

Фархад подумал, что сегодняшний вечер – самый необычный вечер в его жизни. И если этот Солнцев не психопат и не разыгрывает его, то вполне возможно, что уже завтра днем он будет сидеть в другом кабинете. Неужели в подобное можно поверить? Но его гость меньше всего похож на сумасшедшего или чудака, склонного к розыгрышам. Остается поверить, что он говорит правду. Или дождаться утра и проверить все самому. А сейчас выслушать, что именно хочет от него этот тип и его служба – СВР.

– Покажите ваше удостоверение, – неожиданно даже для

самого себя сказал Сеидов.

Глава 2

Разве еще несколько лет назад он мог поверить в подобное продвижение по службе. Разве не казалось тогда, что весь привычный уклад жизни, прежний мир рушится и впереди нет никакой перспективы? Еще в девяносто восьмом году подобные специалисты были не очень востребованы. А нефтяные и газовые компании не считались столь важными, как сейчас. Баррель нефти стоил только восемь или десять долларов. И в свои тридцать восемь лет Сеидов был вынужден работать сотрудником банка, куда его устроили благодаря знакомым землякам. А после августовского дефолта он потерял и эту работу.

Казалось, что все кончено, никаких надежд просто не оставалось. Но через полгода его взяли на работу в небольшую компанию. Еще через восемь месяцев он перешел в другую компанию на более высокую должность. После одиннадцатого сентября две тысячи первого года цены на энергоносители пошли вверх. Сеидову предложили работу в создающейся новой компании «Южнефтегазпром», и он перешел в нее уже летом две тысячи второго года.

В марте две тысячи третьего года американцы вторглись в Ирак, и цены на энергоносители, уже перешедшие всякие разумные пределы, начали расти в геометрической прогрессии. Всякий следующий кризис, политический или эконо-

мический, только увеличивал цену нефти и газа. Олигархи, владевшие нефтяными и газовыми компаниями, становились не просто миллиардерами, их счета исчислялись уже не только миллиардами, а десятками миллиардов долларов. В этих условиях нужны были хорошие специалисты – геологи и нефтяники, оплата которых росла соответственно их опыту и знаниям. Переехавший из Баку в девяностом году бывший сотрудник «Газпрома» Фархад Сеидов был не просто одним из лучших специалистов в области геологодобычи. Он разрабатывал свою докторскую диссертацию именно по проблемам добычи нефти в залежах нефтяных пластов, которые уже считались выработанными. Защитил он ее в двадцать пять лет. Как давно это было. В восемьдесят пятом. Тогда казалось, что весь мир у него в кармане. Московские специалисты, приехавшие на защиту, дали самую высокую оценку его научной работе. Ему предложили работу в Ираке, куда он поехал сразу после защиты докторской в качестве заместителя руководителя группы советников. За три года, проведенные в этой стране, он не только выучил местные обычаи и язык, но и стал одним из самых авторитетных специалистов в области нефтегазодобычи в Ираке. В восемьдесят восьмом его вернули в Баку руководителем управления в компании «Азнефть». Ему было только двадцать восемь лет, и многим не понравилось подобное назначение. Перед отъездом из Ирака его даже наградили почетной медалью за выдающиеся заслуги перед иракским народом. В Баку его сразу

сделали начальником управления. Многие считали, что он слишком молод для подобной ответственной работы. У него появились правительственный телефон и персональная машина, что, по меркам Советского Союза, считалось признаком устойчивого положения большого чиновника. А потом все сразу изменилось.

В восемьдесят восьмом началось противостояние азербайджанцев и армян в Нагорном Карабахе. Местные стычки переросли в настоящую войну между двумя соседними народами. Армяне, составляющие большинство в Нагорном Карабахе, потребовали присоединения области к Армении. Верховный Совет Армении дал на это согласие, фактически законодательно аннексировав территорию соседнего государства. Верховный Совет Азербайджана в ответ на это вообще решил упразднить статус автономной области. Противостояние решалось в Москве. Президиум Верховного Совета СССР принял решение о сохранении области в составе Азербайджана. Здравомыслящие люди понимали, что пересмотр существующих границ в рамках такого государства, как СССР, грозит глобальной катастрофой и развалом всей страны.

Так все и произошло. Большой пожар начался в Карабахе и перекинулся в другие республики Советского Союза. Ошская, Ферганская области, Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Северная Осетия, Ингушетия, Чечня... Тысячи убитых, десятки тысяч раненых, сотни тысяч беженцев. И при

этом находились политики, которые всерьез убеждали мир, что развал Советского Союза обошелся без большой крови. Только в Азербайджане был зафиксирован миллион беженцев, а сколько миллионов людей просто покинули большую страну из-за экономических и политических катаклизмов, сколько их бросили свои дома, кардинально меняя свою прежнюю жизнь.

В конце восьмидесятых начались массовые депортации обоих народов из соседних республик. Из Армении изгнали около двухсот тысяч азербайджанцев, которые прибывали в Баку, создавая опасную обстановку в самом городе. В конце восьмидесят девятого власть в Азербайджане была фактически отдана в руки радикалов. В начале января девяностого в Баку начались погромы. Тысячи жителей города выходили на улицы, защищая своих соседей и друзей, но спасти всех не удалось. И только тогда, когда объединенными силами местной милиции, наиболее порядочных представителей Народного фронта и сумевших остаться на своих местах редких представителей власти удалось остановить эту вакханалию безумства, в город по приказу Президента страны Михаила Горбачева были введены войска.

Пролилось еще больше крови. На этот раз танки и бронетранспортеры давили зазевавшихся людей на улицах, стреляли в любого движущегося прохожего. Среди погибших были представители многих национальностей – азербайджанцы, армяне, евреи, русские, грузины, лезгины. Старики и де-

ти, женщины и девушки. Абсолютно очевидно, что не все были экстремистами, как потом передавали по центральным каналам. Но подобная трагедия сказалась и на семье Фархада Сеидова. Ему тогда было тридцать лет, а его супруге Карине Газарян двадцать восемь. Они были уже шесть лет женаты. Свадьбу сыграли, когда Карина оканчивала медицинский институт, в восемьдесят четвертом, когда интернациональные браки в Баку были самым обычным явлением и за общими столами привычно собирались представители многих народов, населявших этот полифоничный и космополитичный город у моря.

В восемьдесят пятом они вместе уехали в Ирак. Там, в Багдаде, у них родилась дочь Марьям. Арабы традиционно называли Деву Марию, мать Христа, – Марьям, поэтому выбор имени местным жителям понравился. На самом деле так звали мать Фархада, и он назвал девочку в честь своей мамы. Тогда им казалось, что все будет хорошо. В восемьдесят восьмом они вернулись в Баку, и он сразу получил новое назначение. Молодой начальник управления «Азнефти», доктор наук, вернувшийся из своей зарубежной командировки, он казался перспективным сотрудником. Журналисты и телевизионщики охотно приглашали его в свои передачи, проводили с ним большие интервью. Число недоброжелателей увеличивалось после каждой передачи, после каждого репортажа.

Уже в девяностом, после трагических событий, стало оче-

видно, что Карине нужно уезжать. И хотя сотни и тысячи женщин-армянок, вышедших замуж за азербайджанцев, оставались в городе, сама Карина больше не могла выдерживать подобного давления. Слишком часто некоторые тайные и явные завистники стали использовать фактор супруги Сеидова, чтобы помешать карьере ее мужа. Вспоминая Толстого, можно смело согласиться с классиком. Слишком много людей находили в национализме последний довод, чтобы опровергнуть научные разработки Фархада Сеидова, не имеющие никакого отношения к тому, на ком именно он был женат. Но когда нет очевидных доводов, чтобы помешать карьере ближнего, используются любые доводы, даже такие чудовищные, как национализм и ксенофобия.

И хотя в массе своей его окружали порядочные люди и настоящие профессионалы, он понимал, что им лучше перебраться в Москву. Весной девяностого он принял предложение о переезде в Москву на работу в «Газпром». Им отчасти повезло. Они переехали еще до августовского путча девяносто первого и декабрьского развала страны, когда можно было устроиться на работу и даже решить свои жилищные проблемы. Фархад получил назначение в Министерство газовой промышленности СССР, реорганизованное в «Газпром», где успел проработать почти два года. Ему даже успели выделить двухкомнатную квартиру в Мытищах.

Но в девяносто втором начались реорганизации, и он сам решил уйти из «Газпрома», чтобы вернуться в Баку. Он при-

ехал в родной город и не сразу мог осознать, что именно там происходит. Власть в республике захватили воинствующие радикалы. Агрессивно настроенные группы людей врывались в консерваторию, призывая запретить Баха и Чайковского, в библиотеки высылали специальные циркуляры с приказами сжечь книги Гегеля, Фейербаха, Маркса, Плеханова... Он не мог знать, что в соседней Грузии, где к власти пришел сын классика грузинской литературы, сам филолог и переводчик книг Бодлера с французского, сжигали книги на улицах. По приказу грузинского Президента костры запылали на площадях грузинских городов. В Азербайджане сумели остановить эти костры. Но власть подобных радикалов не могла удержаться ни в Тбилиси, ни в Баку. В Грузии путем вооруженного переворота к власти пришел Шеварднадзе, в Азербайджане вооруженный переворот начался в Гяндже, и испуганное правительство радикалов позвало Гейдара Алиева спасать положение. При этом сам «демократический» Президент благополучно сбежал, оставив свой пост. Это произошло уже летом девяносто третьего.

Но летом девяносто второго Фархад Сеидов принял решение не возвращаться в Баку. Он продал свою квартиру, дачу, машину. На полученные деньги он сумел обменять свою двухкомнатную квартиру в Мытищах на трехкомнатную на Остоженке. Это уже потом, через несколько лет, цены на Остоженке взлетят до немыслимых размеров, но тогда, в девяносто втором, цены были еще относительно невысокими.

Он устроился на работу в научно-исследовательский институт, который через два года закрылся. Знакомые помогли ему устроиться в банк. Тогда самыми перспективными направлениями считались торговля и банковское дело. Идти в торговлю Сеидов категорически отказался. Ему казалось невозможным работать старшим менеджером по продажам, имея звание доктора наук. Хотя его знакомый не отказался пойти в один такой магазин и сделал себе состояние уже через несколько лет, став совладельцем этого магазина женского белья. У каждого были свои приоритеты и свои ценности.

Фархад проработал в банке около четырех лет. Уже через два года он снова возобновил преподавательскую деятельность, благо работа в банке давала такую возможность. Но в девяносто восьмом августовский дефолт перечеркнул его банковскую карьеру. А затем все снова пошло по кругу. И только с приходом в компанию «Южнефтегазпром» он почувствовал себя наконец на своем месте.

Сначала его взяли обычным сотрудником в геологический отдел созданной компании. Через три месяца сделали руководителем сектора. Еще через полгода его рекомендовали заместителем начальника отдела. А через год руководство компании посчитало, что доктор наук и бывший ведущий сотрудник «Газпрома» вполне может занимать должность начальника отдела. Соответственно должности росла и его зарплата. Он уже мог позволить себе любые траты, не думая о деньгах. Правда, преподавательской деятельностью зани-

маться не пришлось, работа в компании отнимала слишком много сил. В свои сорок восемь лет он получал приличную зарплату, работал в одной из ведущих российских компаний, и дальнейшая жизнь казалась вполне определившейся. О карьерном повышении он даже не думал. И поэтому откровения гостя вызвали у него настоящий шок. Он даже не мог представить себе, что когда-нибудь станет вице-президентом такой компании. Соответственно должностной оклад вице-президента «Южнефтегазпрома» был равен окладам ведущих менеджеров крупнейших компаний мира.

Именно поэтому он попросил своего гостя показать удостоверение, словно не решаясь поверить в подобное предложение. Солнцев невозмутимо достал свое удостоверение, протянул его Сеидову. В нем было указано, что полковник Вадим Сергеевич Солнцев является сотрудником СВР и имеет право на ношение оружия.

– Убедились? – спросил Солнцев, забирая удостоверение.

– Почти, – кивнул Фархад, – хотя я до сих пор не совсем понимаю цель вашего визита. Или вы пришли только для того, чтобы сообщить мне эту радостную весть и потребовать, чтобы я работал на вашу организацию. Кажется, это называется вербовкой?

– Вы начитались шпионских романов, – возразил Солнцев, – неужели вы полагаете, что мы будем вербовать вице-президента крупнейшей российской компании. Для чего? Вы сами сказали, что являетесь российским гражданином и

ваш долг, если хотите, помогать нашей организации в случае необходимости. А вербовать служащего такого ранга было бы не совсем правильно.

– Тогда зачем вы пришли? – спросил Сеидов. – И для чего вам нужно, чтобы именно я полетел в Ирак вместо Ивана Николаевича?

– Об этом мы поговорим немного позже и в другом месте, – пообещал Вадим Сергеевич, – я специально выбрал такое время, чтобы в компании никого не было. Завтра вам сообщат о вашем новом назначении и предложат отправиться руководителем группы в Ирак. Надеюсь, что вы не откажетесь. Больше от вас пока ничего не требуется. Как только ваше назначение будет утверждено на совете директоров, мы сразу свяжемся с вами.

– Теперь все ясно. Я вам почему-то нужен в Ираке? Правильно?

– Вы настоящий ученый и большой специалист, – подчеркнул Солнцев, – мы навели о вас все необходимые справки. Особенно ценно, что вы еще порядочный и мужественный человек.

– Судя по всему, вам известны подробности и моего пребывания в Ираке, – усмехнулся Фархад, – успели все проверить?

– А как вы думаете? Если я приехал сегодня к вам, то, разумеется, прежде всего мы проверили всю вашу биографию, в том числе и все детали вашей командировки в Ирак. Вы

ведь тогда попали под бомбежку, когда выехали в район Эз-Зубайра под Басрой.

– Верно. Это случилось в восемьдесят шестом, – кивнул Сеидов, – тогда там как раз шли наиболее ожесточенные бои. Собственно, это было понятно с самого начала. Война шла за наиболее перспективные нефтеносные участки на юге страны между границами Ирака и Ирана. Как раз недалеко от Кувейта. Но как только цены на нефть и газ поползли вниз, война стала просто бессмысленной и постепенно прекратилась. Хотя потом Саддам глупо полез в Кувейт, и с этого начались все его последующие неприятности.

– Вы думаете, что это была его единственная ошибка? – спросил Солнцев. – Хотя об этом мы тоже поговорим в другой раз. А пока разрешите мне вас покинуть. Только один совет: не говорите о своем завтрашнем назначении пока никому. Даже своей супруге. Не нужно, чтобы кто-то об этом узнал.

– Ясно. Буду молчать о вашем визите.

Солнцев поднялся. Протянул руку.

– До свидания. Я хотел лично с вами познакомиться, чтобы составить о вас мнение.

– Надеюсь, что я вас не разочаровал, – пошутил Фархад, – или хотя бы понравился?

– Да, – кивнул Вадим Сергеевич, – вы мне очень понравились. До свидания.

Солнцев вышел из кабинета. Сеидов несколько минут си-

дел в кресле, обдумывая состоявшийся разговор. Затем поднялся, подошел к телефону, позвонил вниз, в службу охраны.

– Это говорит Сеидов, начальник геологического отдела. – Он с удивлением почувствовал, что у него немного изменился голос. Словно он уже получил назначение вице-президента. – Кто сейчас ко мне приходил?

– Никто не приходил, – ответили ему снизу, – к вам никто не поднимался.

– Только что, – нетерпеливо произнес Фархад, – он должен сейчас спуститься вниз.

– Здесь никого нет, – ответил удивленный дежурный.

– Посмотрите на кабину лифта. Он сейчас должен спускаться вниз.

– Никто не спускается, – доложил дежурный, – нас здесь двое, и все кабины находятся на первом этаже.

– Он поднялся ко мне минут двадцать назад.

– Здесь никого не было. У нас есть записи на мониторах. К вам никто не приходил, – сообщил дежурный.

– Выходит, что я ошибся, – разочарованно произнес Сеидов и положил трубку.

«Тоже мне, игра в кошки-мышки, – зло подумал Фархад. – Или Солнцев поднимался от кого-то другого. И тогда все становится понятным. И его неожиданный визит. И его осведомленность в кадровых переменах».

Домой Сеидов приехал к десяти часам вечера. Кари-

на недовольно заметила, что сегодня он задержался позже обычного.

– Было много работы, – сдержанно ответил Фархад.

– Скоро ты будешь ночевать на своей работе, – улыбнулась жена. – Ты будешь ужинать?

– Нет. Только выпью чай. – Он прошел в ванную умыться.

На кухне было удобно и уютно. Сеидов любил сидеть на угловом диванчике в углу. В их доме традиционно подавали к чаю варенье и кусочки колотого сахара, как было принято в старых бакинских семьях.

– А где Марьям? – спросил Фархад, взглянув на настенные часы.

– Она у подруги. У Лены, ты ее знаешь.

– Уже поздно, – недовольно пробормотал Сеидов, – она могла быть дома.

– Она уже взрослая, – напомнила Карина, – уже оканчивает университет. Или ты считаешь, что она еще совсем маленькая девочка?

– Когда ты встречаешь меня, то считаешь, что я пришел домой поздно, а когда я спрашиваю, где наша дочь, ты говоришь, что она уже взрослая.

– Ты задерживаешься на работе, а она у своей подруги, которая живет недалеко от нас. И можешь не беспокоиться. Лена обещала, что обратно Марьям привезут на машине ее отца. Ты, наверное, уже забыл, что ее отец вице-президент финансового холдинга.

– Вице-президент, – повторил это слово Сеидов. – Как интересно.

– Что ты сказал?

– Ничего. Я думаю, что нам уже нужно иметь своего персонального водителя. Может, купить еще одну машину и взять водителя?

– Как хочешь. Ты у нас главный добытчик. Если наши возможности позволяют...

– Посмотрим, – неопределенно сказал Сеидов.

– Ты что-то хочешь мне сказать? – неожиданно спросила Карина.

– С чего ты взяла?

– Не знаю. Я всегда чувствую, когда ты чего-то недоговариваешь.

Он взглянул в глаза жене. Она действительно чувствует. Сказываются двадцать с лишним лет совместной жизни. Уже двадцать четыре. Он почти никогда ее не обманывал. Почти никогда... Они столько вместе пережили. Фархад поднял глаза.

– У нас все хорошо, – сказал он Карине, – и я думаю, что скоро будет еще лучше.

– В каком смысле?

– Пока не уверен. Завтра все узнаю. У нас, возможно, будут изменения.

– Надеюсь, что положительные, – улыбнулась супруга и больше расспрашивать не стала. Она хорошо чувствовала

его состояние.

Утром он проснулся раньше обычного. На часах было около семи. Он увидел внимательный взгляд Карины, словно она сегодня не спала. Фархад протянул руку, дотронулся до ее плеча.

– Почему ты не спишь?

– Не знаю, – ответила жена, – не спится. Сама не понимаю, почему.

– Тебе нужно поспать. Когда ты поедешь на работу?

Она работала врачом в больнице «Скорой помощи». Больница была недалеко от их дома, и это было очень удобно.

– Я сегодня во вторую смену, – сообщила Карина.

– Спи, – пробормотал Фархад.

– Не могу, – призналась она, – я почему-то нервничаю. За последние годы я уже немного успокоилась. После того как ты перешел на работу в свою компанию. Я так радовалась, что ты наконец будешь заниматься своим любимым делом. А сегодня почему-то снова начала беспокоиться. Скажи мне честно? У тебя все в порядке? Все нормально?

– Даже слишком, – ответил Фархад, – у нас все хорошо, Карина. Не нужно волноваться. Давай спать.

– Поцелуй меня, – неожиданно попросила супруга.

Он хотел сказать, что сейчас семь часов и в соседней комнате спит Марьям, которая должна проснуться уже через полчаса, чтобы успеть на занятия. Он хотел напомнить, что

для подобных вольностей не время. Но вместо этого он потянулся к жене и поцеловал ее. А затем крепко обнял... В это утро он не хотел ей отказывать...

Глава 3

Фархад Сеидов приехал на работу без десяти минут девять. Он поставил свой автомобиль на служебную стоянку, прошел к основному зданию. Ему показалось, что сегодня все, кто с ним здоровался, были особенно любезны. Он вошел в здание. Увидел руководителя службы безопасности компании Зыркова, который приходил на работу раньше всех. Алексей Зырков проработал больше четверти века в органах КГБ—ФСБ и после выхода на заслуженный отдых был приглашен в компанию. Хотя некоторые недоброжелатели утверждали, что на самом деле Зырков никуда не уходил и его нынешняя работа лишь продолжение прежней. Как бы там ни было, полковник Зырков, увидев в холле первого этажа Фархада Сеидова, сам шагнул к нему, первым протягивая руку.

– Доброе утро, Фархад Алиевич, – приветливо произнес руководитель службы безопасности, – рад вас видеть.

– Я тоже рад, – пробормотал Сеидов. – Вам уже доложили о вчерашнем происшествии?

– Нет, ничего не сказали. Что случилось?

– Вчера вечером ко мне поднялся посетитель, который умудрился не зарегистрироваться в нашем бюро пропусков и каким-то образом войти и выйти из здания, минуя наших охранников.

– Так не бывает, – улыбнулся Зыркoв. Он был среднего роста, коротко стриженный. Темные глаза глубоко посажены, челюсть немного выдавалась вперед, и он был похож на героев кинофильмов, вампиров.

– И тем не менее у меня был посетитель, – настаивал Фархад, внимательно глядя на своего собеседника, – хотя бюро пропусков было уже закрыто.

– Я могу объяснить, в чем дело, – сказал Зыркoв. – Наверное, он оформил пропуск в другой отдел, до того как закрылось бюро пропусков. А закончив свои дела в этом отделе, он решил подняться к вам. Все знают, что вы обычно задерживаетесь на работе допоздна. Поэтому так получилось. Но вы не беспокойтесь. Я своим ребятам такой нагоняй устрою. Как его фамилия?

– Я думал, что вы знаете его фамилию.

– Не знаю, – ответил Зыркoв. – Как его звали? Он представился?

– Нет, – ответил Сеидов, – наверное, он себя назвал. Но я не запомнил его имени и фамилии.

Зыркoв снова улыбнулся.

– Вы умный человек, – кивнул он, – я всегда это говорил. Об этом известно всем в компании. Вы очень умный и перспективный сотрудник компании.

– Буду считать это вашей рекомендацией, – усмехнулся Сеидов.

Он повернулся и пошел к кабинам лифтов. Уже завора-

чивая к холлу, где были лифты, он увидел себя в зеркале. И неожиданно заметил, что все, кто был за его спиной, смотрят на него. Он увидел это в зеркале. Не только Зыров, но и все остальные смотрели на него так, словно уже знали о его предстоящем назначении. Нужно было повернуться и взглянуть на них. Но Фархад не хотел смущать людей и быстро вошел в кабину лифта.

«Неужели они меня действительно выдвинут», – подумал Фархад, поднимаясь на свой этаж. В кабине лифта вместе с ним ехали еще несколько сотрудников. Ему показалось, что и они смотрят на него. Похоже, в этой компании новости все узнавали раньше него.

На тридцать четвертом этаже он вышел. В коридоре он увидел Садратдинова, который считался одним из его заместителей.

– Доброе утро, Фархад Алиевич, – улыбнулся тот.

– Здравствуйте Ринат Ашрафович. Я знаю, что вы уже подготовили все данные по астраханскому участку.

– Откуда вы знаете? – удивился Садратдинов. – Я хотел доложить вам сегодня утром. Но боюсь, что уже не успею...

– Почему не успеете?

– Как? Вы разве не знаете? Сегодня в десять будет большое совещание по вопросам реорганизации компании и ее расширения. Приглашены все руководители отделов и подразделений компании. Я слышал, что у нас будут кадровые перемены. А вам разве не говорили об этом?

– Нет. Я пока ничего не знаю. – Фархад не хотел лгать и поэтому быстро прошел по коридору, направляясь в свой кабинет. В приемной его ждала Нина. Это была молодая женщина, которая уже успела безобразно поправиться после родов и теперь по очереди пробовала различные диеты, чтобы вернуть свою прежнюю форму. Но, судя по размерам ее платьев, особых успехов в этом сложном деле она не достигла. Увидев входившего патрона, она вскочила с места.

– Поздравляю вас, Фархад Алиевич, – шепотом произнесла Нина, – мне уже все рассказала Зоя, секретарь Сысоева.

– О чем рассказала?

– Они вчера затребовали ваше личное дело. Говорят, что сегодня на совещании президент компании предложит вам стать пятым вице-президентом. Ой, я даже не могу в это поверить. Вы сразу переедете на тридцать восьмой этаж. Как здорово! Вы знаете, какая зарплата у секретаря вице-президента? Ровно в два раза больше, чем у меня. Если вы меня возьмете, я все готова делать... Честное слово. Я даже не буду опаздывать...

– Не нужно строить планы раньше времени, – посоветовал Сеидов, – пока мне никто и ничего не предлагал.

– Они вам обязательно предложат, – убежденно произнесла Нина, – вот увидите, прямо сегодня и предложат.

– Посмотрим.

Сеидов прошел в свой кабинет. Подошел к окну. «Интересно, какой вид с тридцать восьмого этажа», – неожиданно

подумал он и разозлился на самого себя. В конце концов, все эти слухи его уже нервировали. И с Зыrkовым он повел себя глупо. Нужно было назвать фамилию этого Солнцева, чтобы проверить. Может, он просто проник в компанию с поддельным удостоверением и выдавал себя за сотрудника разведки, тогда как на самом деле был обыкновенным аферистом. Хотя аферист обязательно что-нибудь бы попросил. А Солнцев рассказал подробности его биографии и объявил о завтрашнем назначении. Но если ему действительно хотят предложить должность вице-президента, то почему никто об этом не намекнул? И почему его не вызывают к самому президенту компании? Он вернулся к своему столу.

«Нужно выбросить из головы все ненужные мысли и заниматься работой», – твердо решил Фархад.

Но ровно через пятнадцать минут раздался телефонный звонок. Это был телефон прямой связи с президентом компании Борисом Александровичем Вайнштейном. Фархад сразу снял трубку.

– Доброе утро, Фархад Алиевич, – услышал он знакомый голос Вайнштейна.

– Доброе утро, Борис Александрович, – ответил Сеидов. Он почувствовал, как рука предательски дрожит. Неужели назначение действительно состоится?

– Вы можете подняться ко мне? – спросил президент компании.

– Конечно. Прямо сейчас?

– Да, если можно. Сысоев тоже у меня. Мы хотим с вами поговорить.

Фархад положил трубку. Несколько ошеломленно взглянул на телефонные аппараты. Поднялся, поправил галстук. Вышел в приемную.

– Нина, я поднимаюсь наверх, к президенту компании, – негромко сказал он своему секретарю, – возможно, я задержусь там до начала совещания.

– Ой, как здорово! – вскрикнула молодая женщина.

– Опять ты о своем, – покачал головой Сеидов.

– Вот увидите. У меня точные сведения. Ой, как это хорошо.

– Никому об этом не говори, – попросил он, точно зная, что уже через минуту она расскажет всему отделу, к кому именно поднялся ее шеф.

Фархад подошел к лифту, вызвал кабину, поднялся на тридцать девятый этаж. На тридцать восьмом сидели вице-президенты компании, на тридцать девятом были кабинеты президента компании, председателя совета директоров, эту должность занимал руководитель аппарата президента, и еще небольшой зал для приема особых гостей. А на сороковом был большой зал, где проводились основные мероприятия. Там же были небольшой кинозал и буфет, в котором обедали руководители компании. Рассказывали, что повар, работающий там, получал неслыханное жалованье. Это был японец, которого переманили из очень известного рестора-

на. Вайнштейн любил японскую кухню и мог позволить себе такие затраты. При бюджете компании в несколько миллиардов долларов персональный повар не был особенной «фишкой» компании. В «Южнефтегазпроме» были свои собственные самолеты и вертолеты, которые могли доставить руководителей компании в любую точку на карте.

В коридоре дежурили два охранника. Они благосклонно кивнули, разрешая Сеидову пройти в огромную приемную. Очевидно, их уже предупредили об этом визите, да и на мониторах они могли видеть, кто именно входил в кабину лифта, поднимаясь к ним на этаж. Фархад прошел в приемную. Здесь он был несколько раз. Эта приемная вызывала у него чувство уважения. На стенах висели подлинники российских художников девятнадцатого века. Вся приемная была отделана орехом и дубом, за двумя массивными столами сидели две девушки-секретаря, которые были скорее похожи на победителей всемирных конкурсов красоты, чем на обычных секретарей в нефтегазодобывающей компании. Но все знали, что Вайнштейн ценит красивых женщин. Сотрудники компании уверяли, что в личном самолете президента рядом с ним всегда находятся две, три или четыре девицы, способные поднять настроение не только руководителю компании, но и его гостям. Женщины были маленькой слабостью Хозяина, которую он себе позволял. В остальном Вайнштейн был жестким, цепким, энергичным и очень талантливым менеджером, который за восемь лет сделал из компании одно-

го из мировых лидеров по добыче нефти и газа, он вывел компанию на международную арену, и она теперь почти на равных конкурировала с такими гигантами российской индустрии, как «Газпром» или «Лукойл».

Сеидову сразу разрешили пройти к Вайнштейну. Кабинет президента компании занимал почти четверть этажа. Нужно было пройти шагов сорок, пока посетитель наконец не доходил до стола, за которым сидел Борис Александрович. Сеидов вошел в кабинет, прошел по большому ковру и остановился у стола. Вайнштейн встал, протягивая ему руку. Рядом сидел Сысоев. Он тоже протянул руку гостю. Фархад подумал, что это неплохое начало. Они никогда раньше так не здоровались с ним. Во всяком случае, Сысоев точно никогда не протягивал ему руки. Он считался его непосредственным куратором и не любил панибратства с подчиненными. Ему шел уже шестьдесят второй год, и он был представителем еще старой советской школы управления. Вайнштейн, наоборот, был молод. Ему шел только сорок шестой год, и он был из поколения самого Сеидова. Может, поэтому они лучше понимали друг друга. По оценкам журнала «Форбс», состояние Бориса Вайнштейна оценивалось в девять с лишним миллиардов долларов. Однако многие в компании считали, что «Форбс» не владеет всей информацией и состояние президента намного превышает оценку, данную американским изданием.

– Садитесь, – показал Вайнштейн на стул, стоявший у

приставного стола. Напротив сидел Сысоев. Этим хозяин как бы сразу подчеркивал меняющийся статус самого гостя.

– Вы у нас работаете уже шесть лет, – сразу начал Борис Александрович в своем традиционном стиле, не размениваясь на ненужные вступления.

– Да, уже шесть лет, – кивнул Сеидов.

– Сначала рядовым сотрудником, затем руководителем сектора, потом заместителем заведующего и заведующим отделом, – быстро произнес Вайнштейн, почти не заглядывая в лежавшие перед ним документы.

– Все правильно.

– Вы работали три года в Ираке, защитили докторскую диссертацию, успели проработать в «Газпроме» до развала страны. А потом несколько лет работали в банке. У меня к вам вопрос. Почему вы ушли из «Газпрома»?

– Я бы не ушел, – честно ответил Фархад, – но тогда распалась страна, и я полагал, что мне лучше вернуться в Баку. У меня было еще азербайджанское гражданство. Со мной были супруга и маленькая дочь. Тогда мне предложили уволиться. Они не могли оставлять у себя гражданина другой страны. К тому же я действительно собирался вернуться.

– И не вернулись. Я могу узнать, почему?

– Начался карабахский конфликт. Моя супруга армянка, и я хотел оградить нашу дочь от этих кровавых событий. К тому же в Баку к власти пришли ультрарадикалы, с которыми я не связывал свое будущее. И поэтому я решил остаться

в Москве. Устроился на работу. Преподавал. Затем решил принять российское гражданство, чтобы было немного легче. В середине девяностых было очень сложно...

– Сразу в двух университетах на вас дают исключительно положительные характеристики. Они уверяют, что вы преподаватель от бога. Легко могли получить профессию. Почему не согласились остаться и преподавать?

– Я практик, а не теоретик, – пояснил Сеидов, – и тема моей докторской – добыча нефти и газа в уже выработанных пластах. Новые способы добычи, которые могут сделать рентабельными старые заброшенные пласты. Мне было интересно работать. Поэтому я сразу согласился перейти в вашу компанию, простите, в нашу компанию...

– Верно, – улыбнулся Борис Александрович, – в нашу компанию. И должен сказать, что за последние четыре года, пока вы руководили отделом, мы добились крупных успехов, и не без вашего участия, уважаемый Фархад Алиевич. Многие даже считают вас достойным учеником самого Фармана Салманова. Вы его знали?

Салманов был легендой советских нефтяников. Именно он открыл невероятные запасы нефти и газа в Сибири. Еще одной легендой был Сабир Оруджев, министр газовой промышленности Советского Союза. Эти два азербайджанца внесли уникальный вклад в развитие нефтегазового комплекса большой страны и фактически спасли СССР от экономических неурядиц в семидесятые и восьмидесятые годы.

– Я его хорошо знал, – кивнул Сеидов, – как и Оруджева. У Салманова я даже несколько раз бывал дома, советовался по различным проектам.

– Нам об этом рассказывали, – кивнул Вайнштейн. Он взглянул на Сысоева. – Я думаю, что все понятно, – удовлетворенно произнес он. – Фархад Алиевич, мы решили предложить вам должность нового вице-президента. Именно по вашей специфике. Сейчас специалисты – геологи и нефтяники – ценятся буквально на вес золота. Особенно с вашим опытом и знаниями. Кроме того, вы уже наверняка знаете, что после многолетних переговоров нам наконец удалось выйти на иракское руководство. Они завязаны на американцев и даже слышать не хотят о других компаниях или странах. Нам удалось их заинтересовать вашими методами. Поэтому мы хотели бы, чтобы через неделю именно вы полетели в Багдад. Но уже не в качестве руководителя отдела. На сегодняшнем совещании мы объявим о назначении нового вице-президента компании, которым станете именно вы. Ваша кандидатура уже согласована с председателем совета директоров компании. Надеюсь, что вы не откажетесь?

Он весело посмотрел на Сеидова. Сидевший рядом Сысоев был мрачен, словно уже чувствовал, как Фархад пытается занять и его кабинет.

– Да, – хрипло ответил Сеидов, – я не откажусь. Да, я согласен.

– Вот и прекрасно. Сейчас мы решаем некоторые органи-

зационные вопросы. Как вы считаете, кто может заменить вас в отделе?

– Ринат Ашрафович, – сразу ответил Фархад, – Садратдинов очень толковый и знающий специалист. Кандидат наук. Работает в нашей отрасли почти четверть века. Между прочим, он работал еще во Вьетнаме.

– Мы это знаем, – улыбнулся Вайнштейн, – значит, Садратдинов? Очень хорошо. Я сейчас собираюсь пригласить его к себе. И обязательно сообщу ему, что его кандидатуру предложили именно вы. В конце концов, вам с ним работать в первую очередь. Есть какие-нибудь просьбы или пожелания?

– Нет.

– Очень хорошо. До начала совещания есть еще двадцать минут. В приемной вас ждет начальник хозяйственного управления Кутин. С ним согласуете все хозяйственные вопросы. Ровно в десять прошу на сороковой этаж. Будем объявлять о вашем назначении. Поздравляю. До свидания.

Они еще раз пожали ему руку. По очереди. У Вайнштейна было счастливое лицо человека, сделавшего важное дело. У Сысоева было кислое выражение лица, словно он съел сразу несколько лимонов. Фархад недовольно подумал, что получил еще одного могущественного врага в его лице.

Он вышел в приемную. Оба секретаря подняли голову. Одна была особенно красивой. Кажется, ее звали Динара.

– Поздравляю, – сказала она.

– Поздравляю, – как эхо повторила вторая.

– Спасибо, – пробормотал Сеидов.

К нему подбежал Кутин. Михаил Станиславович Кутин был завхозом от бога. Ему было уже под шестьдесят. Он работал еще в хозяйственном управлении Совета Министров в середине восьмидесятых, потом долгие годы служил уже в российском кабинете министров. Пять лет назад он принял предложение Вайнштейна и перешел на работу в компанию. Кутин считался хозяйственным гением, он знал, сколько кусков мыла и туалетной бумаги находится на каждом этаже, мог по памяти рассказать, кому и куда было отгружено то или иное оборудование. Он был ниже среднего роста, полноватый, рыхлый, мордастый и толстогубый. Глаза у него были водянистые.

– Здравствуйте, дорогой Фархад Алиевич, – энергично пожал ему руку Кутин, – очень рад за вас. Нам нужно решить несколько вопросов, связанных с вашим назначением. Давайте пройдемся.

Они вышли в коридор.

– Дело в том, что на этот этаж переходит Иван Николаевич, – пояснил Кутин, – а его кабинет и приемная будут переданы вам. Поэтому я хотел узнать ваши пожелания. Может, перекрасить кабинет в другой цвет, сменить мебель, поставить другие компьютеры. В общем, все, что вы захотите. Когда закончится совещание, вы вместе с Сысоевым пройдете туда и все сами решите.

– Ничего не нужно менять, – искренне сказал Фархад, – у него прекрасный кабинет. Пусть он возьмет с собой все, что считает нужным.

– Это мы решим. Но он заберет и своего секретаря и своего помощника. У вас есть подходящие кандидатуры на эти должности?

– Я не знаю. Пока не знаю. Но секретарем я могу взять свою Нину, если мне разрешат.

– Это зависит только от вас, – улыбнулся Кутин. Он достал блокнот и сделал какую-то запись. – Значит, так. Ваши мобильные телефоны будут оплачиваться компанией. Любые разговоры с любым собеседником по всему миру. Вы не имеете права бронировать себе отели меньше категории «пять звезд». Летать вы должны исключительно на наших самолетах или не ниже первого класса в самолетах других авиакомпаний. Для руководителей «Южнефтегазпрома» есть специальный фонд, из которого будут оплачиваться ваши расходы. На одежду и разные мелочи. На каждого вице-президента такой фонд до ста тысяч долларов. Старайтесь не перерасходовать этой суммы. Вы, наверное, знаете, что по итогам года вице-президенты получают специальные бонусы. В прошлом году они получили по полтора миллиона долларов. Сысоев получил два с половиной. Это я сообщаю вам для справки. Теперь с машиной. К вам будет прикреплен служебный «Мерседес» с водителем. Водителя можете выбрать сами или мы подберем его из нашего гаража. Расход бензина

не ограничен. Ремонт и профилактика в нашем гараже.

– Молоко мне тоже полагается? – пошутил Сеидов.

– Нет. Молоко вы будете покупать сами, – не понял его шутки Кутин, – но обедать будете в буфете на сороковом этаже. Там работают специальные повара. Все обеды для руководителей компании бесплатные. И последнее. Насколько я знаю, вы живете на Остоженке в старом доме. Правильно?

– Он не совсем старый. Добротный дом. Хороший проект. У нас очень хорошая квартира. Три комнаты. И большая кухня. Почти девяносто метров общей площади.

– У вас есть еще взрослая дочь. Студентка. И ваша супруга – врач «Скорой помощи».

– Похоже, что вы знаете обо мне все.

– У меня такая профессия, – гордо заявил Кутин, – насчет квартиры у меня есть особое указание Бориса Александровича. Вице-президент такой компании, как наша, не может жить в трехкомнатной квартире, даже в очень хорошем доме. Для руководителей компании мы всегда покупаем квартиры в счет их будущих бонусов. Хотя на моей памяти еще никому и ни один бонус не снимали за такую «мелочь». Вот адрес. Это дом класса «де люкс», несколько квартир которого мы в свое время приобрели для высокопоставленных сотрудников нашей компании. Вам выделили пятикомнатную квартиру. Ключи у меня есть. Можете сегодня туда поехать и посмотреть. Если вам понравится квартира, мы оформим ее на вас. Общая площадь – двести сорок метров.

– Я пока не заработал на такую квартиру, – твердо произнес Сеидов. – Это слишком дорого.

– Вы будете вносить только плату за охрану и уборку, – пояснил Кутин, – а за саму квартиру мы уже заплатили. Руководство компании просто предоставляет ее в ваше пользование.

– На какое время? – не унимался Сеидов. – Это служебная квартира?

– На всю жизнь, – тоном учителя, упрекающего нерадивого ученика, произнес Кутин. – Квартира будет ваша. А вот дача у вас будет служебная. Она находится в нашем охраняемом поселке. Но вы там несколько раз были. Вам, как новому вице-президенту, выделяют двухэтажный коттедж.

– Вы на меня столько всего обрушили, – пожаловался Фархад. – У меня просто голова идет кругом. Я должен спуститься к себе.

– Лучше сразу поднимитесь наверх, – посоветовал Кутин, – через несколько минут будет совещание. Вы можете не успеть. И еще... я дам вам специальную карточку для скоростного лифта. В кабине этого лифта могут подниматься только руководители компании. Вы меня слышите?

– Да, – сказал Сеидов, – я вас слушаю. Но, кажется, все еще не понял, что произошло.

Глава 4

На общем собрании президент компании объявил об изменениях и назначении нового вице-президента компании. Все поздравляли Фархада Сеидова, все еще не осознавшего, какие именно изменения произошли в его жизни. После совещания он позвонил Карине.

– Здравствуй, – сказал он чуть дрогнувшим голосом. – Ты когда должна пойти на работу?

– Я же тебе говорила, что к двум часам, – напомнила она. – Что-нибудь произошло?

– Да, – сказал Фархад, пытаясь не выдавать своих эмоций. – Произошло. И очень серьезные изменения в нашей жизни.

– Что случилось? Я так и знала. Я всю ночь не спала, что-то чувствовала. И ты беспокойно спал, но мне так ничего и не рассказал. Тебе увольняют? Вашу компанию закрывают? Что случилось? Тебя куда-то переводят?

– Да, – ответил Фархад. – Вот именно. Меня переводят. С сегодняшнего дня я уже не начальник геологического отдела компании...

– Я так и думала. Ну они хотя бы оставляют тебя на работе в компании?

– Оставляют. С сегодняшнего дня я вице-президент компании «Южнефтегазпром». Алло, ты меня слышишь?

– Что ты сказал?

– Ты не ослышалась. Я стал вице-президентом компании. И даже по телефону не могу назвать тебе свой новый оклад. Все равно не поверишь. Бонусы вице-президентов за прошлый год составили полтора миллиона долларов. Просто чтобы ты знала, для информации. Позвони на работу и сообщи, что сегодня ты себя плохо чувствуешь и не сможешь выйти. В пять часов вечера я заеду за тобой, и мы поедем посмотреть нашу новую квартиру...

– Какую квартиру?

– Как новому вице-президенту, мне полагается жить в другом месте. Руководство компании купило для нас пятикомнатную квартиру. Помнишь дом, о котором мы говорили? Там живет Сысоев. Вот мы будем теперь его соседями.

– Ты меня разыгрываешь?

– Нет. И еще. Мне выделяют служебную машину с водителем. И закрепляют за мной двухэтажный коттедж в нашем дачном поселке, где мы с тобой были. Это будет служебная дача. Ты меня слышишь?

– Фархад, неужели это правда?

– Кажется, да.

– Я боюсь.

– Чего?

– Не знаю. Я всегда боюсь таких новостей. Когда на тебя обрушивается столько всего. Столько всего хорошего. Помнишь, как ты говорил, когда мы вернулись в Баку и тебя сра-

зу сделали начальником управления. Тебе было тогда только двадцать восемь. Это было ровно двадцать лет назад. И тогда тебе тоже выделили служебную машину. Мы так радовались, а твой дядя тогда сказал нам, что есть закон соответствия. После больших удач наступает полоса неудач. За все в этой жизни нужно платить, сказал он, и я запомнила эти слова на всю жизнь. А потом началась война и всеобщий распад. Поэтому я боюсь и сейчас.

– Война, надеюсь, уже не начнется, и всеобщего распада не будет, – весело попытался сказать Фархад. – Сейчас не восемьдесят восьмой год. Мы все это уже пережили...

– Да, – сказала супруга, – наверное, ты прав. Хотя все равно ты меня испугал. Обрадовал, очень сильно, и немного испугал. Как ты себя чувствуешь? Печень у тебя не болит?

– Ничего не болит. Я заеду за тобой ровно в пять.

– Буду тебя ждать. Я поздравляю тебя. Ты давно заслуживал это назначение. – Карина заплакала.

– Только этого не хватает. Давай вместе радоваться. И жди меня дома. До свидания.

Фархад положил трубку. Жена все чувствует. Конечно, он недоговаривает. И разумеется, никто не должен знать о вчерашнем визите Солнцева. Поэтому к такому высокому назначению примешивается некоторое чувство горечи. Выходит, что подобным постом он обязан отчасти и спецслужбе, которую представлял Солнцев. Это было обидно и больно. Хотя слухи о подобных изменениях уже давно гуляли по

компании. Сеидов тяжело вздохнул. В любом случае он с сегодняшнего дня новый вице-президент. И нужно будет уже завтра освобождать этот уютный и обжитой кабинет для своего преемника. Тот даже всхлипнул, когда Вайнштейн предложил его кандидатуру. От неожиданности Садратдинов не сумел ничего сказать, хотя Борис Александрович говорил с ним до собрания. Но эмоции слишком переполняли нового начальника геологического отдела.

Раздался телефонный звонок. Сеидов взял трубку. И услышал знакомый голос:

– Добрый день Фархад Алиевич, поздравляю вас с новым назначением.

Это был Солнцев. Сеидов сразу узнал его голос.

– Спасибо, – сдержанно произнес он. – Вы работаете очень оперативно. О моем назначении объявили несколько минут назад.

– Мы работаем на опережение, – напомнил Солнцев.

– Да, я помню. А как вы вчера вошли и вышли из нашего здания, если вас не видела охрана?

– Вас это действительно волнует?

– Нет, – ответил Фархад. – Наверное, вы правы. Нет, меня это не волнует.

– Сегодня вечером нам нужно встретиться, – сообщил Солнцев. – Часов в пять вас устроит?

– Нет, – сразу сказал Сеидов. Нужно сразу показать, что он независимый человек и не будет плясать под дудку этих

«кукловодов». – Сегодня в пять я занят. Давайте в семь или еще лучше в восемь.

– Хорошо, – согласился Солнцев, – тогда в восемь часов вечера. Выйдите из своего дома и идите по улице по правой стороне. Я к вам сам подъеду.

– До свидания. – Сеидов раздраженно положил трубку. Эти шпионские игры уже начались. С другой стороны, он прекрасно понимает, почему СВР проявляет к нему такой интерес. Если его посылают в Ирак вместо Сысоева, то наверняка у разведки есть свои интересы в этой стране. Так было всегда. Любой человек, отправлявшийся за рубеж, вольно или невольно должен был помогать спецслужбам своей страны в качестве либо информатора, либо возможного связного, либо осведомителя, либо агента. В конце концов, гражданин каждой страны обязан работать на свою страну и защищать ее интересы. А как можно лучше защитить интересы страны, если не работать на благо спецслужб. «Но так можно далеко зайти, – недовольно подумал Сеидов. – Так можно оправдать и любое стукачество, и любую подлость, совершенную во имя интересов государства. Нет, цель не может оправдывать средства». В их семье это хорошо знают. Его дедушка и его братья были репрессированы в тридцать седьмом. Дедушка был одним из самых уважаемых и образованных людей в городе. Мир-Джафар Сеидов был не простым муллой, а одним из потомков самого пророка Мухаммеда, родственником большинства королевских фамилий Восто-

ка, как и подобает всем людям из клана «сеидов». На чекистов такие фамилии и имена действовали как красные тряпки на быков. По странной и непонятной логике, хозяин республики тогда тоже носил это имя – Мир-Джафар.

Он был не просто всевластным распорядителем жизни и смерти каждого человека в Азербайджане. Мир-Джафар Багиров был одним из самых близких людей самого Сталина. Говорят, что они дружили. Багиров дружил и с другим человеком, имя которого наводило не меньший страх. Они вместе работали в Баку, в мусаватской контрразведке. При этом Багиров был руководителем, а его заместителем был Лаврентий Берия, будущий всесильный нарком.

Именно поэтому Мир-Джафар Багиров позже получит абсолютную власть в республике. И расстреляют его сразу после падения Сталина и Берии, выведут из кандидатов в члены Президиума, устроят показательный процесс и расстреляют. Хотя человеком он был смелым, честным, сделал много для республики и потерял своего сына на той проклятой войне, когда дети высокопоставленных родителей не прятались за их спинами и креслами, а уходили воевать за свою страну. Они были похожи, очень похожи эти два политика с такой схожей судьбой. Сталин и Багиров. Бессребреники, абсолютные фанатики, верящие в идею, невероятно порядочные и честные в личной жизни, ставившие идеалы выше любой человеческой жизни, пролившие столько крови и оставшиеся в истории противоречивыми фигурами. С одной сто-

роны, кровавыми тиранами, а с другой – вождями, так много сделавшими для своих народов.

Как можно оценивать политика? История не знает сослагательных наклонений. Но черно-белая гамма тоже не подходит. Очевидно, всегда важны итоги правления. С этой точки зрения оба вождя сумели состояться как выдающиеся политики. Мир-Джафар Багиров сумел дать фронту самое главное – обеспечить бесперебойные поставки бакинской нефти, на которой ковалась победа в этой войне. Девяносто процентов нефти шло из Баку. И если в конце сорок второго такие ожесточенные бои шли за Сталинград, то они шли и за бакинскую нефть, которая поступала по Волге в центральные районы страны. Захватив Сталинград, можно было перекрыть эти поставки, ведь наступление на юге захлебнулось в предгорьях Северного Кавказа.

Сеидов часто думал об этом. Как можно оценивать политика, если не по конечному результату его деятельности. И можно ли считать успешным Горбачева, который проиграл все, к чему прикасался: свою страну, свою партию, своих союзников, свои идеалы. В результате пролилось много крови, и он оказался выброшенным из политики. Или Бориса Ельцина, который расстрелял парламент, устроив дважды антиконституционные перевороты. И когда в девяносто первом году ликвидировал Советский Союз с помощью двух таких недалеких союзников, как Кравчук и Шушкевич, и когда в девяностые годы произошло массовое обнищание

народа, две чеченских войны, расцвет криминальной революции и августовский дефолт, потрясший Россию. Ельцин ушел, оставив своему преемнику пепелище вместо страны. Можно ли было считать их успешными политиками? И какова цена свободы. Если за нее платят человеческими жизнями, развалом экономики, всеобщей коррупцией и преступностью?

При этом у обоих политиков были свои «кардиналы», которые фактически и управляли государством. В первом случае супруга Горбачева, во втором – дочь Ельцина и целый клан советников и советчиков, окружавших уже не совсем адекватного лидера. Представить подобное при Сталине было бы по меньшей мере смешно. После ухода одного из самых одиозных вождей в истории человечества выяснилось, что он, приняв разоренную гражданской войной страну, вывел ее в число мировых лидеров, сумел победить в невероятно сложной войне с таким противником, как Германия, построил экономику страны, провел коллективизацию, обеспечил относительный ядерный паритет, подготовил страну к прыжку в космос, который начался через несколько лет после его смерти, и сделал почти половину мира своими союзниками и вассалами. Как оценивать политика? По результатам? Тогда Сталин – великий политик, а Горбачев и Ельцин – всего лишь несостоявшиеся политические лидеры, так подставившие свою страну. Или могут быть иные мнения?

Фархад часто думал об этом, вспоминая события в Азер-

байджане. Тысячи убитых азербайджанцев и армян, десятки и сотни тысяч беженцев, несчастные судьбы – такова была цена «нового мышления». Этих людей трудно было заставить поверить, что Нобелевская премия мира, врученная Горбачеву, отражает его истинные заслуги. Они понимали, что человек, который был их Президентом, фактически сдал не только страну, но и тысячи своих сограждан, предав их несколько раз. Сначала, когда каждый раз под смех и возмущенные выкрики депутатов он отказывался признавать, что знал о кровавых событиях в Тбилиси, Вильнюсе, Баку, Риге. Уже одно подобное признание было достаточным поводом, чтобы задуматься о его истинной роли Верховного Главнокомандующего. Затем в августе девяносто первого он сдал своих единомышленников, мастерски изобразив из себя жертву «заговорщиков». Наконец, в декабре девяносто первого, когда, как Президент, поклявшийся защищать свою страну и Конституцию, он просто объявил о своей отставке и распаде страны.

Хотя в этом случае он еще пытался что-то сделать, чтобы сохранить личную власть. Он обратился к новому министру обороны, который запомнился только своей вечной улыбкой на широком лице. Маршал авиации прекрасно помнил, сколько раз сдавал Президент страны своих подчиненных, в том числе и двух бывших министров обороны. Ему не хотелось быть третьим. И он отказался выполнять любые приказы своего Президента. Для военного человека это недопу-

стимо. После подобного шага обычно стреляются. Маршал благополучно остался на посту, и еще долго его фирменная улыбка мелькала в президиумах и на высоких собраниях. Зато другой маршал, посчитавший, что Президент предал все идеалы, за которые он дрался всю свою жизнь, покончил жизнь самоубийством. История сохранила имена двух маршалов, двух антиподов, выбравших столь разные пути к славе и бесславию.

В этот вечер Фархад Сеидов повез свою супругу посмотреть их новую квартиру. Он был задумчив и молчалив. Карина тоже молчала. Конечно, квартира произвела на нее впечатление. Теперь у мужа будет свой кабинет, о котором они так долго мечтали. И он сможет наконец разместить все книги, многие из которых лежали в коробках на застекленном балконе вот уже много лет. Когда они вышли из дома, Карина взяла супруга за руку.

– Я всегда была уверена, что ты своего добьешься, – сказала она, – я знала, что рано или поздно тебя оценят. И всегда в тебя верила. Честное слово, всегда. Даже когда мы сидели без копейки денег и ждали перевода из Баку, даже когда ты ушел из этого банка. Я знала, что ты умница и очень трудолюбивый человек. Ты все это заслужил, Фархад.

– Не перехвали, – пробормотал Сеидов, – а то у меня разовьется самомнение.

– Ты для этого слишком умный человек. И прочел много хороших книг, – улыбнулась Карина. – Помнишь, как у Вы-

соцкого? Значит, «нужные книги он в детстве читал». После этого испортиться уже невозможно. Никогда.

Они вернулись домой, где их встретила Марьям. Она радовалась гораздо больше родителей и даже успела заказать в соседнем ресторане еду, чтобы отметить вместе с родителями назначение отца. Но за столом они сидели недолго. Когда на часах было без десяти восемь, Фархад молча поднялся, чтобы переодеться и выйти из дома.

– Куда ты идешь? – спросила Карина. – Уже восемь часов вечера.

– Я обещал сегодня встретиться с Иваном Николаевичем, – соврал Фархад. – Он заедет за мной в восемь часов вечера.

– Свежие рубашки на второй полке! – крикнула супруга. Он услышал ее смех. И смех Марьям. Они о чем-то говорили.

Ровно в восемь часов вечера он вышел из дома. Ощущение было такое, словно он ждал выстрела в спину. Фархад буквально заставил себя идти по правой стороне улицы не оборачиваясь. И услышал, как зазвонил его телефон.

– Сверните в переулок, – посоветовал Солнцев.

Фархад свернул в переулок и сразу увидел черный джип с затемненными стеклами. Дверь открылась. Сеидов, уже не раздумывая, шагнул и уселся в кабину.

– Добрый вечер, – услышал он знакомый голос, – вы, как всегда, очень точны. Это прекрасное начало...

Глава 5

Солнцев сидел за рулем. Он был в темной куртке, в солнцезащитных очках и светлых вельветовых брюках. Фархад невольно покосился на него.

– Не узнали? – улыбнулся Вадим Сергеевич.

– Узнал, – кивнул Сеидов, – вы сейчас выглядите как настоящий шпион.

Солнцев усмехнулся.

– Это, наверное, комплимент, – пробормотал он.

– Куда мы едем? – спросил Фархад.

– За город. Вы же понимаете, что наши встречи в самой Москве практически невозможны. Вы стали слишком важной персоной, господин Сеидов. И мы обязаны теперь оберегать ваше реноме.

– Вы хотите взять с меня подписку о сотрудничестве?

– Нет, – засмеялся Солнцев. – Это вчерашний день. Мне кажется, что вы все еще не совсем понимаете, что именно происходит. Никто вас не неволит. И никто вас не принуждает к сотрудничеству. Тем более что никакого сотрудничества и не будет. Вы стали вице-президентом компании исключительно благодаря собственным заслугам и опыту. А мы, узнав об этом, решили проявить к вам интерес...

– Какой интерес? – не понял Фархад.

– Определенный. И очень конкретный. Вы не нужны нам

в качестве агента или сотрудника нашей организации. Поверьте, что у нас хватает сотрудников и осведомителей, в том числе и из вашей компании. О нашем конкретном интересе вам сегодня расскажут.

– Понятно. Нам далеко ехать?

– Не очень. Вас это беспокоит?

– Конечно. Я сказал жене, что еду на встречу с коллегами.

Будет неправильно, если я вернусь домой под утро.

– Вы вернетесь домой не позже полуночи, – успокоил его Солнцев, – и вообще не нужно так нервничать. Ничего особенного не происходит. Мы просто едем в гости к одному специалисту по Ближнему Востоку, который хочет с вами поговорить. Он неплохо знает Ирак и соседние страны.

– Ясно. – Фархад взглянул на часы. Если он будет задерживаться, нужно перезвонить Карине.

Остаток пути они молчали. Лишь когда машина въехала в небольшой дачный поселок, Солнцев снова обратился к нему:

– Не нервничайте. Разговаривайте спокойно и раскованно. Никто не собирается вас принуждать к невероятным акциям. Поверьте мне, что мы не собираемся вас вербовать или использовать в качестве агента. Это было бы непростительной роскошью – использовать в качестве агента вице-президента такой известной компании с такой устоявшейся репутацией. Нам всего лишь нужно узнать ваше мнение о некоторых деталях происходящих событий.

– Если меня будут спрашивать о служебной информации, я тоже буду молчать. Запасы нефти и газа...

– Вот про это вас точно спрашивать не будут, – рассмеялся Солнцев, – вы можете быть уверены, что интересы «Южнефтегазпрома» никак не пострадают. Это я могу вам гарантировать. И не забывайте, что ваша компания является крупнейшим поставщиком нефти и газа на европейский рынок, а поэтому она служит в первую очередь государственным интересам России. Как и мы, господин Сеидов.

Автомобиль въехал в открывшиеся ворота и остановился у небольшого одноэтажного деревянного домика. Из него вышел молодой человек, который кивнул Солнцеву. Тот передал ключи незнакомцу и пригласил войти в дом своего спутника. Вместе с Фархадом они прошли в дом, где в уютной гостиной их встретил мужчина лет пятидесяти пяти. У него были седая короткая борода и усы, тронутые сединой волосы, круглое лицо, внимательный взгляд карих глаз, нос с небольшой горбинкой. Он мягко пожал руку гостю, приглашая сесть в глубокое кресло. Сам он устроился в другом кресле, а Солнцев уселся на диван.

Фархад обратил внимание, что окна в комнате, где они сидели, были не только закрыты жалюзи, но изнутри еще задернуты металлическими шторами. А над домом находилось сразу несколько антен. Очевидно, здесь принимали особые меры, чтобы их разговор невозможно было прослушать.

– Позвольте представиться, – сказал неизвестный, – моя

фамилия Богданов. Андрей Андреевич Богданов.

– Очень приятно, – кивнул Фархад, – мою фамилию вы уже наверняка знаете.

– Да, – улыбнулся Богданов, – мне очень приятно, что вы приняли наше приглашение. Заодно поздравляю вас с назначением на этот высокий пост. Учитывая ваш опыт и знания, это представляется большим и важным шагом в развитии вашей компании. Да и в вашей судьбе тоже. Вы ведь несколько лет работали в банке, хотя и преподавали в это время в университете.

– Я старался не терять квалификацию, – ответил Сеидов.

– Правильно. У вас уже имелся опыт работы и в государственной компании «Азнефть», и в «Газпроме», и даже в Ираке.

– Я там был в служебной командировке с восемьдесят пятого по восемьдесят восьмой год. Хотя, как я подозреваю, вам об этом известно.

– Действительно, – улыбнулся Богданов. – А теперь давайте перейдем к нашим делам. Итак, через неделю вы полетите в Ирак в качестве главы делегации и генерального представителя компании «Южнефтегазпром». И увидите, как изменился Ирак за последние двадцать лет.

– Представляю себе, – согласился Фархад, – хотя я тоже был там не в самый мирный период. Тогда шла война между Ираком и Ираном. Было много погибших с обеих сторон. Очень большие жертвы.

– Сейчас погибших еще больше, – мрачно заметил Богданов, – и конца этому насилию не видно. Иранское правительство, начиная войну, рассчитывало на шиитов, которые составляли около сорока процентов всех живущих в стране. Вы ведь знаете, что государственной религией Ирана является шиизм, тогда как в Ираке и в Пакистане, как и повсюду в мусульманских государствах, включая Турцию, больше распространен суннизм.

– Везде, кроме Азербайджана, – добродушно заметил Сеидов, – только в Азербайджане и в Иране господствующая религия шиизм.

– Вот именно. Но шииты тогда не поддержали Иран и воевали на стороне своего государства. Не только в силу особой любви к Саддаму Хусейну. Скорее из-за страха за свои семьи. Но сегодня в Ираке идет ожесточенное противостояние между шиитами и суннитами. Еще добавьте сюда курдов на севере, которые не любят арабов, и вы получите картинку сегодняшнего Ирака.

– На северо-востоке еще живут туркмены, – напомнил Фархад, – в основном в районе Керкука. На самом деле их неправильно называют туркманами. Я там был несколько раз. Это южные азербайджанцы, большая часть которых живет в Иране.

– Да, об этой проблеме нам известно. Разделенный в начале девятнадцатого века между Россией и Персией, азербайджанский народ оказался в разных государствах. А часть

осталась в Ираке. В результате большая часть азербайджанцев проживает сегодня в Иране, тогда как в Северном Азербайджане их не более семи миллионов, а в южном больше двадцати.

– Наши историки считают, что около сорока, – заметил Сеидов.

– В любом случае их много, и местные арабы в Ираке, фарсы в Иране относятся к ним как к своим согражданам.

– И в обеих странах нет ни одной школы с азербайджанским языком обучения, – мрачно добавил Фархад. – Им просто не разрешают учиться на родном языке. В Иране только на фарси, а в Ираке только на арабском.

– Нам это известно. Сейчас в Ираке идет противостояние, и каждый день погибают люди. А вам предстоит поездка на юг, в те самые районы, где вы уже много раз бывали.

– Да, я об этом знаю. И хорошо помню свою работу.

– И вы помните, как попали под налет иранской авиации, когда посетили район Эз-Зубайра под Басрой?

– Конечно, помню. Этот шрам у меня на всю жизнь, – показал на свой подбородок Сеидов. – Нам тогда здорово досталось. Погибли наш водитель и сотрудник посольства. Еще несколько человек получили тяжелые ранения.

– Вы тогда чудом спаслись и, кажется, спасли кого-то из иракских чиновников?

– Верно. Я вытащил из-под перевернувшейся машины Фаруха аль-Рашиди. Заместителя министра экономики Ирака.

Он был в очень тяжелом состоянии. Мы отвезли его в Басру. Я знал, что у нас одинаковые группы крови. Очень редкие группы. У обоих была четвертая. И поэтому я отдал свою кровь аль-Рашиди. Это его тогда и спасло.

– Правильно, – с удовлетворенным видом кивнул Богданов, – а через некоторое время он стал послом Ирака в Англии и затем в Швейцарии.

– Возможно. Об этом я уже не знаю. Он остался жив, и мы с ним подружились. Мы с женой часто бывали у них дома.

Богданов взглянул на Солнцева. Фархад заметил этот быстрый взгляд. Кажется, история с ранением аль-Рашиди интересовала их более всего.

– Вы встречались с его женой и детьми? – уточнил Богданов.

– Конечно, встречались. Должен вам сказать, что те картинки, которые вы видите по телевизору, не всегда соответствуют действительности. При Саддаме Хусейне Ирак был светским и развитым государством. Я не скажу, что демократическим. Это было бы неправдой. Но светским. Алкоголь продавался повсюду в магазинах, работали бары и рестораны. А женщины и девушки носили джинсы, мини-юбки, открытые платья и ходили без паранджи. Встречались пожилые женщины, которые носили платки, но, в общем, там было свободно. Именно в этом вопросе. Поэтому мы часто общались с семьей Фаруха аль-Рашиди, встречались с ними в ресторанах и клубах. У него была очень приятная супруга.

И прекрасные дочери. Две дочери.

– У него был еще сын, – напомнил Богданов.

– Правильно. Но мы видели его не так часто. Он приехал сразу после ранения отца. Парню было двадцать четыре года, и он как раз за два года до этого окончил Оксфорд. Отец очень гордился сыном, мальчик окончил престижное учебное заведение с высокими баллами, и ему предложили остаться на работе в Великобритании. Кажется, он был физик или химик, что-то в этом роде. Очень вежливый молодой человек. Хотя почему молодой. Ему было тогда двадцать четыре, а мне только двадцать шесть. Небольшая разница. Но из-за того, что я дружил с его отцом и был руководителем проекта, он называл меня на «вы». Кроме того, я спас его отца, вытащив из разбитой машины и отдав ему свою кровь. Поэтому он так уважительно ко мне и относился. И еще один фактор, но это уже чисто личное. Все иракцы ко мне относились несколько иначе, чем к остальным членам нашей делегации.

Богданов снова взглянул на Солнцева, и тот кивнул, подтверждая эти слова.

– Из-за вашей фамилии, – понял Богданов.

– Конечно. Мой дед был священнослужителем, которого расстреляли в тридцать седьмом. Мир-Джафар Сеидов. Мой отец Мир-Касум Сеидов был историком, преподавал в университете, а я считаюсь представителем семьи Сеидовых, то есть «сеидов», потомков самого пророка Мухаммеда. Наша

семья из Агдама, это в Карабахе, там было селение Сеидли, откуда пошли семьи Мусави и Сеидовых. Моя фамилия сразу привлекает внимание в любом мусульманском государстве, ведь «сеиды» – это потомки самого пророка, члены одной большой семьи.

– Очевидно, это сыграло роль, когда выбирали, кого послать в качестве руководителя проекта в Ирак, – заметил Богданов.

– Абсолютно не играло, – возразил Фархад. – Это в Ираке я был представителем семьи «сеидов». А в тогдашнем Азербайджане я был всего лишь молодым ученым, который должен был на практике проверить свои научные изыскания. Моя фамилия и мой расстрелянный дед скорее играли против меня, чем за меня. Но учтите, что даже тогда не так много было желающих отправляться в воюющий Ирак. Все выбирали гораздо более спокойные арабские страны, где можно было заработать себе на «Волгу» и привезти домой валюту. А мне было интересно прежде всего проверить обоснованность моих теоретических изысканий на практике. И поэтому отправили меня.

– Вы много раз встречались с ним?

– Вы имеете в виду самого Фаруха или его сына?

– Нет, я спрашиваю про его сына.

– Первые полтора месяца он жил в доме своего отца и каждый день навещал его в больнице. Пока отец не выписался. Должен сказать, что уважение и любовь к родителям – отлич-

чительные качества лучших семей Багдада. Слово отца считалось непререкаемым законом, а к матерям там относились как к святым, с особым почитанием.

– Потом младший аль-Рашиди вернулся в Лондон?

– Да, вернулся. Но он приезжал еще два или три раза, пока я был в Ираке. И каждый раз отец с гордостью рассказывал мне об успехах своего сына.

– Вы знали, что Фарух аль-Рашиди умер четыре года назад?

– Нет, не знал. Как он умер?

– В своем доме в Базеле. Ему было шестьдесят восемь.

– Я не знал. Жаль, он был очень неплохим человеком. Но, наверное, после падения режима Саддама Хусейна ему пришлось эмигрировать. Ведь при Саддаме он был высокопоставленным чиновником.

– Верно. Он был послом в Швейцарии, а затем специальным посланником. Когда в 2003 году американцы вошли в Багдад, аль-Рашиди находился в Испании. Потом он переехал в Базель в свой дом, который купил, когда работал там послом. Через год он умер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.